

Ло Жуфан недоверчиво посмотрела на мужа.

Нельзя, ведь нельзя же говорить!

Если сказать, то где тогда место Юн-эра?

Внебрачный сын? Но ведь я твоя жена!

Законный сын? Тот, что стоит перед нами, — настоящий.

Старший сын? Но разве имеет значение, что он старше законного?

Жун Юцай не обратил внимания на мольбы жены и произнес имя, которое тот, кто уже давно покинул этот мир, так долго жаждал услышать.

— Да.

Ло Жуфан обмякла в кресле, погрузившись в оцепенение.

Старейшина рода снова взял в руки кисть и, посмотрев на изящного юношу с холодным взглядом перед собой, вздохнул про себя: похоже, путь семьи Жун отныне будет неровным.

Размашистым движением он вывел: Жун Жо. Имя заняло всю строку.

Когда всё было улажено, Ли Жолю с удовлетворением поднял бровь, глядя на Хунсю. Та утерла слезы и показала большой палец.

Молодой господин, смотри! Твой статус законного сына, принадлежавший тебе по праву, возвращен!

После внесения в родословную пришло время перезахоронения. Перед тем как опустить гроб в землю, Ли Жолю отослал слуг и поместил урну с прахом Жун Жо в один гроб с его матерью.

Хунсю опустилась на колени перед надгробием и, заливаясь слезами, воскликнула: Госпожа, молодой господин, спите спокойно!

Сказав это, она поклонилась Ли Жолю: Благодарю вас, молодой господин!

Забрав свой договор о продаже в рабство, Хунсю перестала быть служанкой семьи Жун и обрела свободу. Она была глубоко признательна Ли Жолю.

Ли Жолю покачал головой и поспешил помочь ей подняться.

— Это был лишь взаимовыгодный обмен, не стоит благодарности. Отныне ты вольна делать всё, что захочешь.

— Я хочу остаться подле вас, молодой господин, прошу, позвольте мне.

— Хорошо. Если когда-нибудь захочешь чего-то иного — просто скажи мне.

— Благодарю, молодой господин!

Закончив, Ли Жолю взял горсть земли и медленно рассыпал ее над гробом: Изначально ты мог бы вернуть всё это своими руками, но ничего страшного. Ты обрел покой рядом с матерью, а остальное я сделаю за тебя.

Когда семья Жун заказала поминальные таблички, Ли Жолю потребовал две.

Жун Эр почтительно установил табличку матери Жун Жо и, заметив, что Ли Жолю всё еще что-то вырезает резцом, с недоумением подошел ближе. Увидев надпись «Табличка Жун Жо», он застыл на месте.

Ли Жолю подшутил: Я скоро перееду в Резиденцию министра, наследников у меня не будет, и через сто лет вряд ли стоит ждать, что семья Жун вспомнит и поставит табличку в мою честь. Поэтому готовлюсь заранее, не находишь?

— Э-э...

Найтись, что ответить? Что ни скажи — всё не попадет!

Ли Жолю не стал его мучить, сдул стружку с таблички и поставил их рядом: Жун Жо и его мать.

Семья воссоединилась — и это хорошо.

Закончив, он бросил резец Жун Эру, отряхнул руки и ушел.

В сопровождении служанки Ли Жолю проводили в отведенный ему дворик.

Глядя на полусохший бонсай, остатки сажи на резных окнах и ощущая запах плесени, который не мог перебить даже сандал, Ли Жолю потерял нос кончиками пальцев.

Хунсю застилала постель. Белье было новым, но от самого ложа веяло сыростью — не лучше, чем в старом доме в Северном Городе.

— Что это за развалюха? Снаружи всё такое богатое и величественное, а внутри — такой запустелый дворик. И тесно, и ценных вещей нет вовсе.

— Вероятно, он долго пустовал, а когда узнали, что я вернулся, слуги в спешке прибрались.

— А! Мышь! Молодой господин, здесь мышь!

Хунсю от испуга бросилась в объятия Ли Жолю, а ее визг напугал грызуна, который тут же скрылся в неизвестном направлении.

Ли Жолю обнял ее и похлопал по спине: Не бойся! Брось всё, мы переселимся в другой двор.

Хунсю, чьи глаза были на мокром месте, неуверенно спросила: А они согласятся?

Ли Жолю хитро улыбнулся: Конечно! Сейчас сделаем вот так...

Ли Жолю велел Хунсю собрать все узлы.

Управляющий Жун-бо, следивший за ними, увидел, как двое с узлами направляются к переднему залу, и только хотел подойти с расспросами, как услышал их разговор.

Хунсю: Молодой господин, я пойду найму экипаж!

Ли Жолю: Уже поздно!

Хунсю возмущенно: Даже если поздно, надо уезжать! Молодой господин не может здесь жить, та мышь была вот такой огромной! Я боюсь, что ночью она вылезет и укусит вас.

— Да и во дворе пусто, как в поле. Если господин министр придет навестить семью Жун и увидит, как здесь обращаются с вами, он непременно разгневается.

— Зря вернулись, лучше бы вышли замуж прямо из постоянного двора. Господин министр ни за что не позволил бы молодому господину терпеть такие лишения. Они зашли слишком далеко.

— Молодой господин, я пойду в Резиденцию министра и всё доложу, пусть пришлют людей за вами! А если господин министр не сможет, найду учителя Чу. Вы — его ученик, если он узнает о таком унижении, может, в гнев и пожалуется Его Величеству, чтобы всем членам семьи Жун выдали по палке!

Ли Жолю очень серьезно обдумал это в течение секунды: Хорошо! Иди быстрее, я подожду!

— М-м!

Хунсю радостно бросилась к выходу. Сказано было для того, кто слышит, а тот, кто услышал, воспринял это всерьез. Жун-бо в ужасе поспешил преградить им путь, начал вежливо уговаривать и сулить, что всё переустроят самым лучшим образом.

Успокоив их, он тут же побежал искать Жун Юцая.

Услышав всё это, Жун Юцай немедленно распорядился привести в порядок лучший, недавно отремонтированный двор, куда и заселили Ли Жолю. Убранство и мебель там были высшего качества — сразу было видно, что на это ушли огромные средства.

Хунсю всё тщательно осмотрела и прыгала от радости.

Вечером, узнав об этом, Жун Янь в ярости разбила палочки для еды, а увидев, что муж снова смотрит на Ли Жолю, с досады добавила еще несколько кровавых полос на и без того синяках Лю Цяня.

Ли Жолю, испугавшись, спрятался за спину Хунсю: Какая жестокая!

Первый день закончился, оставив всю семью Жун в состоянии крайнего нервного напряжения.

События в семье Жун в этот день были весьма бурными: все происшествия, начиная с выезда экипажа и заканчивая сменой двора, были тщательно записаны и легли на стол Цянь Юаня, министра чинов.

Цянь Юань дочитал, покачал головой и усмехнулся: Что думаешь?

— Жун Жо использует ваше влияние, чтобы принудить семью Жун к подчинению!

— Даже если бы меня не было, у него есть на кого опереться.

— Господин имеет в виду мастера Чу из уезда Цзюньгун?

— Ты правда думаешь, что Жун Жо приехал в Восточный Город ради возобновления старых чувств с Хань-эром? С его-то стратегическим умом, это не цель. Подумай обо всем, что сделал Жун Жо с момента приезда.

— Господин хочет сказать, что его ученичество у мастера Чу было тщательно

спланированным? Чтобы семья Жун увидела его ценность.

— Именно! Всё, что он делает, — лишь ради возвращения в семью Жун, чтобы по праву вернуть себе статус законного сына.

Глаза Цянь Юаня выражали искреннее восхищение.

— Неужели Жун Жо, будучи семнадцати-восемнадцати лет от роду, обладает таким расчетом?

— Этот юноша не только расчетлив, но и обладает невероятной стойкостью. Если бы не окова чувств, боюсь, его достижения в будущем превзошли бы мои.

— Господин так высоко ценит его?

— Просто смотри. В ближайшие дни семья Жун точно понесет огромные потери. Завтра подготовь дары и отправь в семью Жун. Раз уж он решил воспользоваться моей силой, я должен дать ему достаточно опоры.

— Слушаюсь.

За этот хлопотный день Ли Жолю совершенно выбился из сил, тело ныло от усталости, но Хунсю по своей заботливости заранее приготовила горячую воду.

Ли Жолю погрузился в теплую воду и начал дремать.

Спустя долгое время послышался странный звук.

Ли Жолю не открыл глаз, но, сжав пятидюймовую серебряную иглу, готов был нанести удар.

— Молодой господин.

<http://bllate.org/book/21905/2275649>